

У М. Яковлева в «Эпитафии самому себе»:

Здесь Я—в лежит, в беспечности игривой
С любовью, дружбою проведенный век счастливо.
Чтобы Свистов ему *надгробья* не скропал,
Он сам себе его, при жизни, написал.⁴³

Терминологическая точность, конечно, соблюдалась не всегда. Нуждается в объяснении и то обстоятельство, что И. И. Дмитриев печатал одни и те же тексты в разных собраниях сочинений то как «эпитафии», то как «надгробные». Во всяком случае сосуществование этих двух видов эпитафий совершается в рамках литературной реальности и не совпадает с делением эпитафий на «реальные» и «литературные».

Для XVIII в. двойственная природа эпитафии не является литературной игрой, а соотносится с тенденцией эпохи к созданию нового (в отличие от средневекового) типа синкретизма, выразившегося, в частности, в сдвиге границы эстетического/внеэстетического. Это положение может быть применено к изучению эпитафии, а литературная действительность соотнесена с внелитературной. При этом могут быть намечены два направления в исследовании.

Суть первого заключается в изучении «изображенного» слова, так как эпитафия — это надпись, неотъемлемая часть мемориальной скульптуры и пластики. Предельно ясно и кратко об этом аспекте исследования разнообразных стихотворных надписей XVIII в. еще в 1930-х гг. писал Л. В. Пумпянский: «Надпись в эпоху классицизма, т. е. в свое собственное время, вовсе не была тем печатным произведением, в виде которого она существует для нас. Надпись входила в архитектурно-театральное целое с девизом, эмблемой, декоративным сооружением (пирамида, обелиск, колонны), элементами аллегорической живописи и светового искусства; в отрыве от них, в печатном виде, она теряет свою художественную функцию и может быть понята лишь приблизительно и неотчетливо < . . . > Поэтому серьезное изучение надписи возможно только в связи с историей петербургского придворно-эмблематического искусства. Вне этой общей истории анализ сведется к указанию на комплиментарность, а для Ломоносова — к указанию на связь между основными темами его надписей и его од. Но это как раз было бы анализом не надписи самой, во всей ее функциональной жизни, а одной лишь печатной ее проекции».⁴⁴ С тех пор работа в этом направлении продвинулась очень незначительно,⁴⁵ от чего явно страдают широко развернувшиеся и плодотворные искусствоведческие исследования мемориальной пластики,

⁴³ Благонамеренный. 1820. № 6. С. 423.

⁴⁴ Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 36.

⁴⁵ См.: Лигарев К. Русская литература и изобразительное искусство: XVIII—первая четверть XIX в.: Очерки. М., 1966.